

Стальная когорта большевиков под руководством гениального вождя В. И. Ленина напрягала все силы для разгрома деникинских полчищ. Стратегический план удара по Деникину через Харьков — Донбасс уже дал решающие победы Красной Армии. Весь громоздкий, расползшийся южный фронт белых безостановочно покатился к Черному морю.

На Волге дело хуже — по широким, вольным степям, по берегам красавицы реки безнаказанно гуляет конный корпус Топоркова (ранее Улагая). Оперативный замысел генерала: прорвать стык 11-й и 10-й армий красных в районе ст. Качалинской, возле Царицына, уничтожить 11-ю армию и двинуться в тыл конницы Буденного.

Под натиском корпуса Топоркова поспешно отступают наши 38-я и 39-я пехотные дивизии. Противник занимает станцию Качалинскую, 83-я дивизия изнемогает в неравном бою.

Левее ее, в районе Дубовки, сосредоточена 37-я дивизия, находящаяся под моим командованием. С момента описываемых событий прошло уже много лет, но они встают в памяти так, как будто свидетелем и участником их был вчера.

Как сейчас, помню мягкий зимний день 23 декабря.

На участке дивизии за весь день не было ни одного выстрела. Короткий день быстро угасал. Темный покров ночи ласково окутывал заснеженную землю. К вечеру поступило последнее донесение конной разведки: «На участке дивизии, на основании сведений, полученных от пленных, действуют два полка белых».

Доставили пленных. Сведения подтвердились. Какое принять решение?

В 10 часов вечера заходит командир кавалерийской бригады 37-й дивизии Куришко. Он среднего роста, коренастый, физически необычайно сильный донской казак. В царской армии был вахмистром. В боях под Царицыном он получил шестнадцать ранений.

Грузно опустившись на скамейку, он переставлял при помощи рук еще не оправившуюся от ран правую ногу. На его бледном после перенесенного ранения лице промелькнула какая-то не то растерянная, не то извиняющаяся улыбка. Взглянул на него.

— Ну, друг, ты сегодня останешься за меня в дивизии, а я с бригадой двинусь к белым в тыл.

Не хочется Куришке оставаться. Хочется отомстить белым не столько за свои раны, сколько за потери бригады, понесенные в бою под Дубовкой.

Без трубных сигналов бригада быстро оседлала коней. Заспанные лица бойцов-кавалеристов сияли. Двинуться в ночной лихой набег, в путь, даже сопряженный с неминуемой смертельной опасностью, они были всегда готовы. Бригада совершила и до этого не один удачный ночной набег. В тогдашних условиях предпринятый поход был особенно заманчив: в районе Дубовки не было не только продовольствия для себя, но также и корма для лошадей. Давно раскрыли соломенные крыши на корм боевым коням.

В половине первого, миновав и оставив позади передовые заставы своей дивизии, бесшумно и быстро направились в расположение белых. На рассвете напали на полтавский кавалерийский полк противника. Завязался бой, продолжавшийся тридцать — сорок минут. Белые разбиты. Первый полк нашей бригады бросился их преследовать и вернулся к бригаде около 10 часов. На месте белые потеряли 120 пленными, человек 40 убитыми, несколько пулеметов, обоз и разное хозяйственное имущество. Бригада пополнилась лошадьми и взятыми в плен казаками, из которых многие оказались одностаничниками с бойцами нашей бригады. В обозе захватили не только сено, но и овес, которого наши лошади не видели уже почти месяц.

Четыре часа отдыха... и бригада на рысях возвращалась к месту расположения дивизии. Глухо постукивали копыта лошадей по снежной, тронутой гололедицей дороге. В воздухе носились крепкие запахи донского «тютюна», с упоением раскуриваемого повеселевшими от удачи бойцами.

В штабе дивизии в наше отсутствие были получены сведения о весьма тяжелом положении на участке 38-й дивизии, которая под напором противника постепенно отходила, оставив врагу станицу Качалинскую.

Около полуночи командарм-10 Павлов вызывает к аппарату и, вкратце осветив обстановку на фронте армии, отдает распоряжение немедленно с кавалерийской бригадой выступить в тыл противника, действующего на участке 38-й дивизии, по пути присоединить бригаду Вдовиченко, а пехотным бригадам удерживать участок дивизии, не давая противнику обойти наш правый фланг со стороны 38-й дивизии.

Хотя после ночного набега кони еще не совсем отдохнули, но приказ получен и надо действовать.

Оставив в дивизии заместителя, снова, вместе с Куришко, двигаемся в тыл противника. Нам нужно было пройти около 72 километров. Для истощенных лошадей при гололедице поход был слишком тяжелый. Но он был не только тяжелым, а еще и смелым с точки зрения соотношения сил наших и сил противника. На участке 38-й дивизии действовал белый кон-

ный корпус генерала Топоркова, в котором насчитывалось около 6 тысяч сабель, пластунская бригада и пехотные части. Против него оборонялись 38-я и 39-я дивизии, имевшие не более 4,5 тысячи штыков и около 300 сабель. На помощь к ним и была брошена наша кавалерийская бригада в составе 420 сабель, 8 пулеметов и 2 орудий.

В 9 часов присоединилась бригада («бригада» по названию) Вдовиченко в 150 сабель. Получасовой привал... и снова на рысях, так как время не ждет. Около 14 часов бригада подходила к хутору, название которого теперь уже не помню.

Навстречу нам двигалась конная группа противника.

Последний, видимо не имея сведений о нашем движении, продолжал двигаться в колонне, выслав только к нам для связи конного. В несколько минут в 600—700 шагах от противника бригада на ходу была развернута и атаковала конницу белых. Внезапный и ошеломляющий удар не позволил противнику развернуться. Лихой комбриг Куришко с двумя десятками бойцов на лучших конях преследует в панике уходящих белых.

Легкая победа над белой бандой дала нам возможность захватить больше 150 пленных. Нам удалось заменить своих усталых лошадей свежими.

Около 18 часов, когда уже смеркалось, мы вышли на фланг 38-й дивизии, которая стойко и упорно отбивала наседавшего противника. В момент нашего подхода кавалерийский полк 38-й дивизии под командованием Воронова двинулся в атаку. Вести 120 сабель в атаку против тысячной конницы противника было только безумной и бесцельной храбростью Воронова. Сбитый во время атаки, он присоединился к моей кавалерийской бригаде. Оказать помощь 38-й дивизии, имея даже около 600 сабель, путем фронтовых атак мы не могли. Нужно было снова «оторваться» от противника, стремившегося уже обойти бригаду, выйти в тыл к нему и, действуя в тылу, оказать поддержку 38-й дивизии. Так и было сделано.

Около 20 часов мы проходили хутор Медведев, где захватили дивизион артиллерии белых и часть обоза. Материальная часть артиллерии была нами приведена в негодность, и мы воспользовались только лошадьми, содержимым обоза и, главное, фуражом.

Проследовав через хутор Медведев, мы направились ночевать в станицу Паньшинскую в 18 километрах в тылу противника. Всадники и лошади изнемогали от усталости. Однако твердой надежды на то, что нам удастся захватить станицу Паньшинскую, которая могла быть в этот момент занята превосходящими силами противника, у нас не было.

Гололедица и невероятная темнота еще больше затрудняли наше движение. Минутами казалось, что лучше остановиться на отдых где-либо в поле, в овраге.

Глубоким вечером, около 22 часов, мы подходили к станции Паньшинской. В расстоянии трех верст от нас разведка донесла, что со стороны Паньшинской по направлению к Качалинской через мост переправляются пехотные и артиллерийские части белых.

Эскадрон под командованием командира полка Гусева был послан к переправе с целью попытаться атаковать и навести панику в рядах противника, воспользовавшись для своей задачи непроницаемой темнотой.

Этот налет предрешил участь нашего похода. Белые, переправившись на другой берег, при атаке эскадрона бросились в панике обратно на мост, который под тяжестью скопившегося на нем обоза и артиллерии провалился и стал ступенью к могиле для них. Части белых в течение часа вели перестрелку между собой, удаляясь к станции Паньшинской. Путь к Паньшинской для нашей кавалерийской бригады был отрезан. Оставалось одно: или ночевать в поле, или идти снова в Качалинскую и, как говорят, попытаться найти там счастье.

Ведя в поводьях лошадей, бригада медленно двигалась в Качалинскую. По пути наткнулись на будочника, он сообщил нам, что в направлении Царицына с Качалинской проследовало много конницы и артиллерии. Не имея донесений от разведки, около 2 часов ночи вся наша бригада ввалилась в Качалинскую, где оказался целиком корпус генерала Топоркова, а впереди занимала позиции пехотная дивизия белых.

Отступить было невозможно. Люди и лошади дошли до крайних пределов утомления. Пока противник нас еще не обнаружил, всей бригадой по станции был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь. В одной избе был захвачен офицер, от которого я узнал пропуск и пароль. С группой кавалеристов совершил налет на штаб корпуса. Белые, застигнутые врасплох, не зная наших сил, в панике выскакивали из домов, беспорядочно стреляли, уничтожая друг друга.

Только часа через полтора, когда начала затихать стрельба и когда противник отдельными группами уходил на станцию Качалинскую, бригада тремя полками вошла в станцию с южной стороны. Улицы станции были загромождены обозом артиллерии, трупами людей и лошадей.

Около 6 часов утра поспешно уходила с фронта пехотная дивизия противника. Преследовать ее бригада не могла. Измученные кавалеристы буквально засыпали около лошадей.

На рассвете два кавалерийских полка противника атаковали станицу Качалинскую, но атака была отбита. Победа над корпусом генерала Топоркова осталась за нами.

Остатки корпуса генерала Топоркова без артиллерии, пулеметов, обоза и с потерями до 3 тысяч человек налегке уходили, миновав Царицын, к Манычу, на Кубань, где в январе 1920 г. их снова настигла та же кавалерийская бригада и вновь нанесла сокрушительный удар. На этот раз — в открытом бою и имея в своих рядах уже 1650 сабель.

* *
*

28 декабря 10-я армия перешла в наступление, 29 декабря мне с кавалерийской бригадой 37-й дивизии было приказано вернуться в район Дубовки и перейти в наступление в направлении Рынок — Орловка — Царицын.

Разведывательные партии были обстреляны из укрепленного района пулеметным огнем. Около 19 часов к нам из Царицына перебежали двое рабочих и сообщили, что противник эвакуирует город.

Не ожидая подхода остальных частей дивизии, 1-я бригада в 20 часов двинулась к проволочному заграждению. Около 20 часов в городе и на Французском заводе возникли пожар и взрывы. К этому времени с левого берега Волги переправился 450-й полк 50-й дивизии, которой командовал Ковтюх. При подходе частей 1-й бригады 450-й полк двинулся в Царицын.

К этому времени кавалерийская бригада 37-й дивизии ворвалась в город с западной стороны.

В 2 часа 3 января 1919 г. над «Красным Верденом» навсегда взвились победные красные знамена великой пролетарской революции.

«Оборона Царицына». Сб. статей и документов. Составили В. Алексеев и К. Нефедов. Сталинград, Краевое книгоиздательство, 1937, стр. 223—228